

парата. Необходимо установить не только соотношение на различных его уровнях лиц, получивших образование того или иного типа (домашнее и систематическое, военное и гражданское, отечественное и зарубежное), но и само содержание этого образования – круг чтения, приобретённые навыки и проч. Следует учитывать и профессиональный (служебный) опыт чиновников, а именно – на каких должностях, в каких ведомствах и какие именно обязанности они исполняли. Всё это не могло не влиять на их кругозор и административную практику.

Особый интерес вызывают, конечно, политические группировки и кланы конца XVIII – начала XIX в. – их формирование, состав (и его изменения), взаимоотношения между собой и с императором. Ведь очевидно, что составители многочисленных проектов и реформаторских планов, работая над ними, думали не только об «общем благе», но и о реальной расстановке сил при дворе и в правительстве. Осуществление (или свёртывание) едва ли не каждой из обсуждавшихся мер усиливало одних и ослабляло позиции других. В источниках это отражается зачастую довольно глухо и неполно. Однако вне контекста этой не прекращавшейся

борьбы едва ли получится осмыслить и реформаторское творчество того времени. Л.Ф. Писарькова сообщает немало ценных сведений о группировках первой четверти XIX в. и их лидерах (кн. Н.И. Салтыков, Д.П. Троицкий, гр. В.П. Кочубей и др.), но данный сюжет требует, пожалуй, отдельного изложения.

В целом, нельзя не признать, что монография Л.Ф. Писарьковой открывает перед исследователями государственного управления Российской империи новые и весьма заманчивые перспективы.

А.М. Феофанов

Примечания

¹ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007.

² В своё время об этом писал М.М. Сафонов: Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 86–87.

³ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909. СПб., 1914. С. 276–277.

⁴ Там же.

⁵ Архив СБИБИ РАН, к. 115, оп. 1, д. 1186, л. 4 об.

М.А. Бабкин. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.): Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011. 920 с., ил.

Новая книга М.А. Бабкина – более чем вдвое расширенное издание прежней его монографии, вышедшей в 2007 г. Свыше 600 страниц в ней занимает авторский текст и ещё 300 – разного рода приложения и иллюстративный материал. Среди них документы, формулы поминовения властей за богослужением, карты, списки епархий и иерархов, различные указатели и многое другое, но почему-то отсутствуют библиография и список использованных источников (за исключением перечня публикаций самого автора (с. 915–918)). В книге развивается тот же взгляд на характер государственно-церковных отношений в России в начале XX в. и особенно в первые месяцы революции 1917 г., который хорошо известен по предшествующим работам М.А. Бабкина, вызвавшим в

своё время немало откликов (с. 907–909). По его мнению, нервом взаимоотношений Церкви и государства в Российской империи являлась «проблема “священства-царства”» (с. 20), т.е. спор о духовном и политическом превосходстве власти царя или священноначалия. Во времена патриарха Никона и царя Алексея Михайловича подобный конфликт действительно имел место. Патриарх, настаивавший на том, что священство выше царства, потерпел поражение, его идеи были осуждены и позднее не находили приверженцев среди русской иерархии. Однако для Бабкина существование аналогичного «харизматического соперничества» между царём и епископатом на рубеже XIX–XX вв. является основополагающей аксиомой, не требующей доказательств. Между тем столь сме-

лая экстраполяция противоречий XVII в. в XX в. сама по себе требовала бы всестороннего и тщательного обоснования. Не утруждая себя этим, автор любые трения между епископатом и правительственной администрацией интерпретирует исключительно под углом предполагаемого им противостояния и даже противоборства православного духовенства и императорской власти (с. 188). Так, в движении за соборное обновление церковной жизни и восстановление патриаршества он усматривает стремление к десакрализации империи (с. 72–73, 109–126), выражавшееся будто бы также в сокращении литургического поминовения особ Императорской фамилии и во всё более торжественном поминовении архиереев, в различном понимании епископами смысла миропомзания императоров (с. 127–132, 160–190).

От десакрализации монархии высшее духовенство, по словам М.А. Бабкина, прямо переходило к недружественным действиям в отношении верховной власти. В ходе революции 1905–1907 гг. Святейший Синод якобы занял недостаточно жёсткую позицию и фактически потворствовал революционерам (с. 137, 151–159). Апогеем же «подрывной» деятельности иерархов стало их поведение во время Февральской революции 1917 г. (глава II). Установив богослужебное поминовение Временного правительства вместо императора и Императорской фамилии, Синод, считает автор, тем самым объявил Дом Романовых «отцарствовавшим» и «сверг» саму «идею монархии» (с. 209, 213, 215 и др.). В замене формулы поминовения автор видит целую богословскую программу, проводившуюся Синодом с целью окончательной десакрализации царской власти, которой, по мнению Бабкина, епископат предпочитал «народовластие». Рядовое духовенство, участвуя в различных публичных акциях (молебнах, праздниках и т.п.), связанных с Февральской революцией, проводило будто бы антимонархическую политику Синода, укрепляя в народе лояльность Временному правительству и оправдывая революцию. Полагая, что православное духовенство выступало в начале 1917 г. как одна из активных (и чуть ли не как одна из главных) революционных сил

(с. 416, 606 и др.), автор допускает даже существование «антимонархического заговора с участием высшего духовенства», схожего с тем, который сложился в начале XVIII в. в окружении царевича Алексея (с. 268–273).

Добившись свержения «харизматического конкурента» (с. 188), как выражается М.А. Бабкин, иерархия якобы постаралась закрепить свою монополию на духовную власть в ходе Поместного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: новоизбранный патриарх якобы узурпировал церковные права императора (с. 486, 501, 507, 511, 556 и др.) и претендовал на роль «единственного законно избранного вождя русского народа». Именно поэтому, полагает Бабкин, Собор не протестовал против разгона большевиками Учредительного собрания, которое также рассматривается автором как «конкурент» патриарха (с. 564–565). При этом он утверждает даже, что духовенство «ничего не имело против» советской власти и конфликтовало с ней только тогда, когда её декреты затрагивали его корпоративные и прежде всего имущественные интересы (с. 566–570). Декрет же 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», декларировавший невмешательство властей во внутрицерковную жизнь, и вовсе оценивается в книге как соответствующий «предреволюционным чаяниям духовенства» (с. 572). Однако большевики, по словам Бабкина, совершили «второй религиозный переворот», провозгласив свою «большевистскую веру» («в то, что Бога нет, в “мессианство” пролетариата, а также в “светлое будущее” – в коммунизм»). Это стало «возмездием» духовенству за его участие в «первом религиозном перевороте 1917 г.», в ходе которого «была свергнута власть “харизматических конкурентов” священства – православных императоров» (с. 591–592).

В конце книги («Вместо послесловия II») автор разъясняет, каким образом наши современники, особенно церковные иерархи, могли бы исправить ошибку своих предшественников, допущенную в феврале–марте 1917 г. Бабкин с явным одобрением излагает позицию епископа Анадырского и Чукотского Диомида (Дзюбана), обвинившего в 2008 г. свя-

щенноначалие Русской Православной Церкви в том, что оно придерживается «цареборческой ереси», и провозгласил в отношении «еретиков-цареборцев» анафему. «Цареборческой ересью» при этом было объявлено, по выражению Бабкина, «воззрение о “непредпочтительности” для православных людей власти православных василевсов — помазанников Божиих» и равнозначности для христиан как монархии, так и иных форм государственного устройства. В июне 2008 г. Архиерейский собор Русской Православной Церкви изверг епископа Диомида из сана. Бабкин не скрывает и, видимо, даже гордится тем, что его исследования активно используются во внутренней полемике различных религиозных групп (с. 609).

Выстраивая и аргументируя свою концепцию, М.А. Бабкин систематически нарушает принцип историзма, предполагающий изучение событий и явлений прошлого и отражающих их источников в историческом контексте. Бабкин, напротив, последовательно неисторичен. Противоборствующие в его книге «священство» и «царство», по сути — надисторические субстанции. При этом Византия, Московское царство, Российская империя изображаются не как различные, хотя и преемственные государственные образования, но как проявления единого целого, а духовенство предстаёт силой, на протяжении нескольких столетий преследующей одни и те же политические цели. Деятельность священнослужителей в первой половине 1917 г. рассматривается автором как согласованная и направляемая указаниями Синода. Между тем в самой книге приводятся красноречивые примеры развернувшейся тогда «церковной революции»: бунта младших членов клира против старших, священников и диаконов против епископов, диаконов и псаломщиков против священников, сельского духовенства против городского (с. 411). Далеко не очевидно, насколько при таких обстоятельствах духовенство было способно проводить на местах политическую линию Синода (если она вообще существовала).

Несмотря на обилие материала, используемого М.А. Бабининым, в его книге легко выявляется небольшой круг излюбленных авторов, суждения которых приво-

дятся неизмеримо чаще других, как наиболее значимые и заслуживающие доверия. Среди мемуаристов это кн. Н.Д. Жевахов, среди богословов протоиерей В. Асмус, среди правоведов А.М. Величко. В то же время иные научные работы, освещающие положение Церкви в 1917 г., как, например, исследование П.Г. Рогозного¹, по сути, игнорируются — ссылки на них редки и формальны.

При этом анализируемые М.А. Бабининым документы далеко не всегда дают основания для тех выводов, которые им делаются. В частности, он подробно прослеживает изменения в богослужебных чинопоследованиях, и прежде всего в формулах поминования правящей династии и в титуловании архиереев (с. 160–177 и след.). Установив, что упоминания особ Императорской фамилии в начале XX в. сокращались, а титулования епископов увеличивались, автор указывает на стремление православных владык к самовозвеличиванию за счёт царя и его семьи. Однако само по себе изменение чинопоследований ничего не говорит о его причинах. Действительные мотивы книжной sprawy можно установить лишь при учёте контекста и выяснении, откуда заимствовались те или иные формулы, а также того что служило для них образцом (греческие или славянские тексты). Каких-либо документов, раскрывающих намерения инициаторов исправлений, автор не приводит, не делает он и сравнений с практикой поминования, бытовавшей тогда в других православных поместных церквях. Но без этого все заявления про коварный план высшего духовенства, стремившегося умалить достоинство царской власти, звучат надуманно и голословно. Между тем, ссылаясь на две редакции последования проскомидии, автор пишет о существовании двух «партий», которые будто бы вели «закулисную борьбу» вокруг формул поминования (с. 181). По его словам, «исправления литургических книг... свидетельствуют о нежелании высшего духовенства поддержать самодержавный строй» (с. 182). В действительности же собранный им материал свидетельствует только о происходившей эволюции богослужебных чинов, причины которой пока ещё не выявлены.

Столь же неубедительны и бездоказательны и предположения автора о возможности участия духовенства в «заговоре» против последнего российского императора. В частности, разговоры о том, что царицу следует заточить в монастырь, которые с 1915 г. велись даже в великокняжеских семействах², наводят М.А. Бабкина на мысль о наличии у предполагаемых заговорщиков договорённости с церковными иерархами (с. 269–270). Однако подобные толки вовсе не доказывают ни существования самого заговора, ни тем более сговора его участников с кем-то из священнослужителей. Видимо, понимая зыбкость таких построений, автор напоминает о роли иерархов в заговоре против Петра I, почему-то считая, что по тому же пути шли и епископы начала XX в. Бабкин явно забывает о том, что аналогия не может применяться в историческом исследовании как единственный метод доказательств и используется лишь для выявления типологического сходства фактов и явлений, реальность которых уже доказана и не вызывает сомнений.

И это далеко не единственный случай, когда приёмы, используемые в книге для обоснования выдвигаемых гипотез, способны удивить любого профессионального историка. Так, будто бы доказанное «единомыслие» иерархов с членами Временного правительства, по мнению М.А. Бабкина, «наталкивает на мысль, что среди членов Св. Синода также были масоны (или по меньшей мере – имевшие перед масонскими организациями определённые обязательства)» (с. 245). «В первую очередь это относится, – полагает автор книги, – к тем иерархам, которые определяли курс высшего органа церковного управления: к архиепископу Финляндскому Сергию (Страгородскому) и митрополиту Киевскому Владимиру (Богоявленскому)» (с. 246). Разумеется, никаких документальных подтверждений этих «рассуждений» не приводится, а в сноске сделана оговорка: «Автор за этой своей мыслью оставляет значение предположения» (с. 245). Причём тут же Бабкин заявляет, «что накануне Февральской революции некоторые члены Св. Синода могли являться т[ак] н[азываемыми] аген-

тами влияния западных стран». «Веским основанием» для подобного умозаключения он считает политическую позицию Синода, якобы «отрёпённое» отношение иерархов к судьбе царской семьи и длительное проживание некоторых из них за границей или «на “демократических” окраинах Российской империи» (там же). Более чем странным представляется и сравнение решений Поместного собора 1917–1918 гг. с декретами большевиков (с. 474, 493).

Иногда, приводя высказывания современников, автор прямо извращает их смысл. К примеру, слова члена Государственного совета А.В. Кривошеина, говорившего (у М.А. Бабкина, цитирующего их по известной книге Н.М. Никольского, почему-то «писавшего») в 1916 г., что в среде высшего духовенства «делаются и готовятся вещи отвратительные» и «никогда не падал Синод так низко» (с. 118), представлены чуть ли не как указание на антимонархические настроения духовенства. На деле же бывший министр сетовал тогда на вмешательство в церковные дела Г. Распутина, которому содействовал петербургский митрополит Питирим (Оков)³. При этом упоминание Кривошеина о Распутине (имеющееся и у Никольского) Бабкиным из текста исключено. Заявления, сделанные церковными деятелями в марте–июне 1917 г. о том, что падение самодержавия привело к раскрепощению Церкви, автор книги пытается выдать за выражение тех взглядов и чаяний, которых духовенство придерживалось до Февральской революции (с. 107, 343). И эта грубейшая экстраполяция преподносится читателю как доказанный вывод (с. 119). Обращения митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) и патриарха Тихона (Белавина) к представителям советского правительства с выражением уверенности и напоминанием, что всякая власть в России «печётся только о благе русского народа» и обещала «водворить порядок на Руси», Бабкин, явно игнорируя их прямой смысл и сложившуюся тогда обстановку, интерпретирует как проявление тех надежд, которые якобы духовенство поначалу возлагало на революцию (с. 567, 591, 605). В то же время автор утверждает, что в декрете 20 января

1918 г. «запрещалось вмешательство каких-либо властей во внутреннюю жизнь церкви» (с. 572). А ведь в действительности этот акт провозглашал утратившими силу все внутрицерковные установления и фактически упразднял каноническую юрисдикцию, создавая тем самым условия для вмешательства во внутреннюю жизнь Церкви со стороны государства⁴.

Таким образом, события церковной жизни систематически рассматриваются М.А. Бабкиным вне их исторического контекста, а какие-либо их интерпретации, не совпадающие со взглядами автора книги, игнорируются. Так, ничего не говорится о том, что поддержка революции Св. Синодом и духовенством скорее *отражала* господствующие в обществе настроения, нежели влияла на их формирование (с. 415). Между тем в самой книге приводится немало примеров давления революционизированной паствы на священнослужителей. Это и отмена сборов в пользу «Романовского комитета» попечения о сиротах, поскольку упоминание имени императора «могло бы вызвать смуту» (с. 231), и возмущение молящихся в Москве, Нижнем Новгороде и других местах при продолжении церковного поминовения особ Императорской фамилии после 2 марта (с. 279–280, 281–283, 361 (примеч. 401)). В том, что акт вел. кн. Михаила Александровича об отказе от восприятия верховной власти церковные иерархи в проповедях называли отречением, Бабкин видит желание внушить пастве мысль о безвозвратном уходе с политической сцены великого князя, династии и монархии (с. 283–285). Но не проще ли объяснить это тем, что акт великого князя и *воспринимался* большинством современников именно как отречение? Об этом автор даже не задумывается, как и о том, что проповеди иерархов об «измене» старого правительства, о закономерности и необратимости произошедшего переворота были не частью пропагандисткой кампании против монархического строя (с. 232, 290–291), а всего лишь отражением широко распространённых в обществе взглядов, их *выражением*, а не *причиной* их появления. Бабкин совершенно не учитывает степень делегитимации самодержавия к

весне 1917 г., когда о нём весьма нелицеприятно отзывался в своём дневнике даже убеждённый монархист Л.А. Тихомиров. Поэтому и монархические партии «безмолвно» сошли с политической сцены, а отнюдь не из-за того, что Церковь «лишила их поддержки» (ср. с. 243–244).

М.А. Бабкин уверен в «определяющей роли сельского духовенства в укреплении в российских деревнях новой власти» весной 1917 г. и в том, что «от приходских священников напрямую зависело общественное мнение сельских жителей» (с. 359–361). Исходя из этого, довольно далёкого от реальности представления, он упорно доказывает, что всё православное духовенство сообща обеспечило «религиозное» свержение монархии. Подтверждение тому он видит в многочисленных «революционных» выступлениях духовенства и в приветственных посланиях его съездов, отправлявшихся представителям новой власти. Мнение современников о том, что пастыри зачастую руководствовались при этом страхом перед радикально настроенными массами и политиками⁵, начисто отбрасывается. Между тем к 1917 г. большинство клириков находилось в тяжелейшем материальном положении, созданном условиями военного времени. А уже с марта–апреля прихожане стали явочным порядком уменьшать плату за требы и отбирать причтовые земли⁶. Кстати, рассматривая приветствия, посылавшиеся православным духовенством Временному правительству после свержения самодержавия как проявление борьбы с «харизматическим конкурентом» (царской властью), автор забывает, что с аналогичными обращениями выступали тогда и лютеранские, католические, униатские священнослужители⁷. Неужели они также боролись с «харизматическим конкурентом»? Или у православных пастырей всё же были иные мотивы?

Односторонен М.А. Бабкин и в своих богословских отступлениях. Отметив, что православные богословы по-разному понимают как слова апостола Павла (2 Фес 2.7) об «удерживающем», который препятствует приходу в мир антихриста (если для одних это – царская власть, то для других – благодать Святого Духа), так и «внутрицерковные права» императоров,

автор книги без какого-либо анализа или дополнительного обоснования соглашается с теми, кто отождествляет «удерживающего» с царём (с. 444–450, 539 (примеч. 340)). При этом, ссылаясь на опыт Византии, он не обращает внимания на то, что и там духовенство в любые эпохи предельно настороженно воспринимало попытки изменить баланс церковно-государственных отношений в империи в пользу вассалов⁸.

Собственно, именно абсолютизация сакральности фигуры императора и лежит в основе всех рассуждений М.А. Бабкина, полагающего, что уверенность в сакральной значимости «царства» относится к существенным чертам православной веры (с. 132). Более того, царь сопоставляется им с Иисусом Христом (с. 446–447). Это прямо указывает на *парарелигиозный характер* его авторской концепции. Такого рода «царебожнические» представления в русском православии не новы⁹. Однако М.А. Бабкиным, пожалуй, впервые была предпринята попытка обосновать их с помощью исследовательской практики. Но и в этом случае вышла лишь имитация научного исследования, декларативные «выводы» и гипотезы которого, по сути, оторваны от собранного автором обширного материала. В своей книге М.А. Бабкин часто и даже навязчиво пишет о необходимости рассматривать те или иные события в контексте «проблемы священства–царства», противоборства «харизматических конкурентов» и т.п. (с. 149, 155, 188, 204, 224, 256, 257, 279, 415, 486, 498–499, 511, 522, 532–533, 536, 592, 595 и др.). Такие повторения, подменяющие собой анализ источников, превращаются в своего рода заклинания, которые должны, видимо, создать у читателя ощущение действительной «доказанности» этих утверждений. Сложные же и внутренне противоречивые взаимоотношения церковных и светских властей накануне и в

период революции 1917 г. по-прежнему нуждаются во всестороннем и непредвзятом изучении.

А.Л. Беглов

Примечания

¹ *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года: (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

² *Шавельский Г., протопресв.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010. С. 265–266.

³ Данные слова А.В. Кривошеина сохранились в записи, сделанной 13 февраля 1916 г. французским послом М. Палеологом (*Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 444). Ситуацию, сложившуюся в церковном управлении на рубеже 1916–1917 гг., некоторые современники прямо называли «разложением». Подробнее см.: *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). М., 2011. С. 97–190.

⁴ Подробнее см.: *Беглов А.* От соборного Определения – к Декрету СНК. К вопросу о генезисе государственно-церковных отношений советского периода // Альфа и Омега. 2007. № 1(48). С. 160–161.

⁵ См., в частности, известное М.А. Бабкину свидетельство митрополита Вениамина (Федченкова): *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М., 2004. С. 177–178. О том же говорили и участники Совещания членов Государственной думы по делам православной Церкви (РГИА, ф. 797, оп. 86, 1 отд., 1 стол, д. 100, л. 34–34 об.).

⁶ РГИА, ф. 797, оп. 96, д. 309, л. 1–1 об., 4–4 об., 6–7, 14–14 об., 16–16 об.

⁷ Там же, ф. 1278, оп. 5, д. 1292.

⁸ См., например: *Афиногенов Д.Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997. С. 64, 73.

⁹ *Кырлежев А.И.* Утвердится ли в России новая ересь? Анализ богослужебных текстов, посвящённых Николаю II, говорит о такой возможности // НГ-Религии. 2000. 15 ноября.